

Тим ТАРП

ТИМ ТАРП

**ЗАХВАТЫВАЮЩЕЕ
ВРЕМЯ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

T21

Tim Tharp
THE SPECTACULAR NOW

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств The Fielding Agency
и Andrew Nurnberg

Фотография на обложке @ Photos 12 / Alamy

Тарп, Тим.

T21   Захватывающее время / Т. Тарп ; [пер. с англ.
М. Павлычевой]. — Москва: Издательство АСТ,
2016. — 352 с. — (Виноваты звезды [покет]).

ISBN 978-5-17-097248-7

Старшеклассник Саттер Кили, обаятельный и беспечный, заводила всех вечеринок, живет настоящим моментом. Он не строит никаких планов на будущее. Его любят девушки, и он готов ради них на все.

Когда его бросает подруга, Саттер напивается и просыпается на газоне в тени нависшей над ним Эйми Файнки...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Copyright © 2008 by Tim Tharp

© М. Павлычева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-097248-7

Глава 1

Сейчас около десяти утра, и я уже начинаю потихоньку прикладываться к бутылке. Вообще-то, я должен быть на алгебре, но на самом деле я неторопливо рулю к дому своей прекрасной толстушки Кэссиди. Она решила постричься, поэтому не пошла в школу, и мне нужно отвезти ее в парикмахерскую, так как предки отобрали у нее ключи от машины. В этом есть некая ирония, учитывая, что наказана она за то, что на прошлой неделе прогуливала вместе со мной.

Как бы то ни было, впереди у меня роскошное февральское утро, и я думаю, а кому нужна эта алгебра? Допустим, я попытаюсь исправить оценки к маю, к выпуску, ну и что? Я не из тех, кто еще в пятилетнем возрасте стопудово решил в какой колледж отправится, я даже не в курсе, когда там последний срок подачи заявлений. Кроме того, не похоже, чтобы родители парились по поводу моего образования. Они перестали следить за моими успехами после развода, а было это еще в доисторические времена. Как я понимаю, передо мной всегда открыты двери муниципального колледжа. Да и кто сказал, что я вообще должен идти в колледж? Какой в этом смысл?

Вокруг — сплошная красота. А вот в учебниках ее нет. И в уравнениях тоже. Возьмем, например, солнечный свет: теплый, но не слишком яркий. Солнце светит совсем не по-зимнему. Кстати, в январе и декабре погода зиму тоже не напоминала. Теперь холода не держатся дольше недели. Похоже те, кто говорят о глобальном потеплении, не врут. Взять хотя бы прошлое лето. Оно нас просто измочалило жарой, молотило, как боксер на ринге. Жара стояла испепеляющая. «Глобальное потепление не для худышек», — говорит Кэссиди.

Но сейчас, в феврале, солнечный свет абсолютно чист, и в его лучах цвета неба, веток и кирпичных стен становятся такими ясными и прозрачными, что смотреть на все это такое же удовольствие, как вдыхать свежий воздух. Все цвета втекают в легкие, проникают в кровь. И ты сам превращаешься в цвет.

Я предпочитаю пить виски разбавленным, поэтому сворачиваю в продуктовый магазинчик за большой бутылкой «7Up» и вижу у входа, возле телефона-автомата, мальчишку. Не маленькую копию своего стильного папаши, в брендовых шмотках и с модной стрижкой, как у чуваков в телерекламе. Такой вряд ли сообразил бы, как вести себя с девушкой, даже если бы ее приподнесли в коробке с инструкцией, как в «Операции» или «Монополии», но притворился бы, что знает. Обычного пацана, лет шести, в толстовке с капюшоном и в джинсах, с торчащими во все стороны волосами. Я сразу иду к этому пацану и говорю:

— Эй, чувак, тебе не кажется, что ты должен быть в школе?

А он:

— Одолжишь доллар?

Я ему:

— А зачем тебе доллар, дружище?

Он:

— Куплю шоколадный батончик на завтрак.

Это менястораживает. Батончик на завтрак? Мне становится жаль этого ребенка. Я предлагаю купить ему на завтрак буррито, и он соглашается, но при условии, что получит и батончик тоже. Мы выходим из магазина, и я оглядываюсь по сторонам, прикидывая, с какими еще трудностями ему придется столкнуться во время своих странствий по оживленным улицам. Мы живем в южном пригороде Оклахома-Сити, который сам по себе похож на отдельный город. Мегалополис так разросся, что не всегда можно определить, где кончается сам город и начинаются окраины, — так что у нас тут довольно оживленное дорожное движение.

— Слушай, — говорю я, а он слизывает желток, текущий по пальцам, — это опасный перекресток. Давай я подвезу тебя, куда тебе там надо? А то вдруг водила какого-нибудь грузовика не заметит тебя и раскатает по асфальту, как белку.

Пацан смотрит на меня, оценивая, и в этот момент действительно напоминает белку, которая решает, не юркнуть ли ей в дупло. Но я выгляжу вполне заслуживающим доверия. Я тоже не стильно одет: старые недорогие джинсы, поношенные кроссовки и зеленая толстовка с длинными рукавами и надписью «Ole!» на груди. Каштановые волосы так же торчат — они слишком короткие, чтобы их надо было тщательно причесывать, а маленькая щелочка между передними зубами придает мне добродушный вид. С ней я выгляжу дружелюбно, во всяком случае, мне так говорят. В общем, страх на людей я не навожу.

Короче, мальчишка решает воспользоваться шансом и залезает на пассажирское сиденье моего «Митсубиси». «Лансер» у меня почти год — серебристый, с черным салоном, не новый, но потрясный во всех отношениях.

— Меня зовут Саттер Кили, — говорю я. — А тебя?

— Уолтер, — отвечает он с набитым ртом.

Уолтер. Круто. Никогда не встречал пацана по имени Уолтер. Какое-то стариковское имя. Но чтобы стать стариком, наверное, надо с чего-то начать.

— Итак, Уолтер, — говорю я, — во-первых, я хочу, чтобы ты знал: нельзя садиться в машину к незнакомцам.

— Знаю, — говорит. — Миссис Пекинпо рассказывала нам об Опасном Незнакомце.

— Это хорошо, — говорю я. — Всегда помни об этом.

А он заявляет:

— Да, только как узнать, кто опасен?

Это меня смешит. «Как узнать, кто опасен?» Ну что за пацан! Он не может понять, что человек может быть опасен только потому, что ты его не знаешь. Вероятно, в его представлении опасный незнакомец — это кто-то зловещий: мятая черная шляпа, черный плащ, шрам на щеке, длинные ногти, острые зубы. Хотя это вполне объяснимо: когда тебе шесть, ты знаешь не такое большое количество людей. Было бы дико, если бы человек стал с подозрением относиться к девяносто девяти процентам населения.

Я принимаюсь разжевывать ему всю эту тему про незнакомцев, но он отвлекается и сосредоточивает свое внимание на том, как я доливаю виски в большую бутылку «7Up».

— Что это? — спрашивает он.

Я говорю ему, что это «Сигрэм V.O.», и он хочет знать, зачем я доливаю его в газировку. В его больших круглых глазах читается неподдельный интерес. Он действительно хочет знать. И что мне теперь, врать ему?

И я говорю:

— В общем, мне так нравится. Так виски мягче. У него появляется привкус дымка. Раньше я предпочитал бурбоны из южных штатов — «Джим Бим», «Джек Дэниелс». Но если собираешься неторопливо, со вкусом догоняться весь день, то для этого они резковаты. А еще, мне кажется, их могут унюхать в дыхании. Я пробовал «Южный комфорт»¹, но он слишком сладкий. Так что теперь я пью канадский виски. Хотя я могу смешать очень и очень клевый мартини.

— Что такое мартини? — спрашивает он, и я понимаю, что пора заканчивать с вопросами, иначе я все утро буду учить этого парня азам специальности бармена. Нет, он прикольный пацан, но меня ждет моя девушка, а она не самый терпеливый человек в мире.

— Послушай, — говорю я, — мне надо ехать. Куда тебя отвезти?

Он дожевывает последний кусок буррито, проглатывает и говорит:

— Во Флориду.

Я так сразу и не назову количество миль до Флориды. Мы в Оклахоме, и она от нас на расстоянии, как минимум, пяти штатов. Я объясняю ему это, и он говорит, чтобы я просто высадил его на границе города, а остальную часть пути он пойдет пешком. Абсолютно серьезно говорит.

---

¹ Сорт ликера. — *Прим. ред.*

— Я убежал из дома, — заявляет он.

Этот парень с каждой минутой нравится мне все больше. Сбежать из дома, чтобы добраться до Флориды! Я делаю глоток своего коктейля и начинаю представлять Флориду так же, как и он: гигантское оранжевое солнце опускается в синий — синее не бывает — океан, и пальмы почтительно склоняются перед ним.

— Слушай, — говорю я. — Уолтер. Позволь спросить, почему ты сбежал?

Он не сводит взгляда с приборной панели.

— Потому что мама заставила папу уехать, и теперь он живет во Флориде.

Я говорю:

— Вот черт. Сочувствую, чувак. У меня было то же самое, когда я был маленьким.

— И что ты делал?

— Ну, думаю, я тогда дико злился. Мама не хотела говорить, куда переехал папа. Я сбежать не стал, но в то же время поджег дерево на заднем дворе. Не знаю зачем. Хотя зрелище было офигительным.

Это подстегивает его энтузиазм.

— Seriously, поджег дерево?

— Только не вздумай повторять, — говорю я ему. — За такие вещи можно здорово огрести. Ты же не хочешь, получить люлей от пожарных, правда?

— Нет, не хочу.

— Ну, а насчет побега — я тебя понимаю. Это клевое приключение: навестить отца, поплавать в океане, и все такое. Но, вот честно, я тебе не советую. Флорида слишком далеко. Если идти пешком, то где брать еду? Продуктовые магазины не стоят на каждом углу.

— Я мог бы охотиться.

— Ага, мог бы. У тебя есть пушка?

— Нет.

— А нож или спиннинг?

— У меня есть бейсбольная бита, но она дома.

— Вот и я о чем. Ты не готов. Мы должны вернуться и забрать твою биту.

— Но дома мама. Она думает, что я в школе.

— Все будет пучком. Я с ней поговорю. Объясню ситуацию.

— Объяснишь?

— Конечно.

Глава 2

Я уже пять минут как должен был быть у своей девушки, но на этот раз у меня есть уважительная причина для опоздания. Вряд ли Кэссиди — сама мисс Правозащитница — станет предъявлять мне претензии за то, что я вошел в положение мальчишки. Ведь я практически выполнял работу социальной службы. Я мог бы даже договориться с мамой Уолтера, чтобы она за меня поручилась.

К сожалению, Уолтер не помнит точно, где живет. Потому, что никогда не ходил домой пешком от продуктового магазина. Он знает только, что у одного из домов на углу его улицы стоит ржавый черный фургон без колес, поэтому мы ездим туда-сюда по району и ищем этот фургон.

Для шестилетки Уолтер очень интересный собеседник. У него есть теория, что Росомаха из «Людей Икс» — это тот самый мужик, который забирает мусор на их улице. А еще у них в школе был жирный рыжий пацан по имени Клейтон, которому нравилось ходить другим детям по ногам. А когда ему однажды надоело слушать вопли одноклассников, он для разнообразия наступил на ногу учительнице. В последний раз Уолтер видел Клейтона, когда мис-

сис Пекинпо тащила его за руку по коридору, а он ехал за ней на заднице и скулил, как щенок.

— Точно, — говорю я. — Школа — это сплошные непонятности. Но помни одно: непонятное — это хорошо. Принимай непонятное, чувак. Получай от него удовольствие, потому что оно всегда рядом.

Я иллюстрирую свою точку зрения рассказом о Джереми Хольтце и огнетушителе. Я знал Джереми еще с начальных классов, он был классным парнем и приколистом. Но в средней школе, когда его брата убили в Ираке, он стал тусить с «плохими элементами». Не могу сказать, что я сам никогда не тусил с «плохими элементами», но я — это я, я тусуюсь со всеми.

В общем, Джереми изменился. У него появились прыщи, он стал доставать учителей. Однажды, когда он на уроке истории преувеличенно громко зевнул, мистер Кросс заявил, что этим он всего лишь демонстрирует свое отвратительное воспитание. Для Джереми это было чересчур. Ни слова не говоря, он вышел из класса. А через минуту вернулся с огнетушителем и с небрежным видом принялся поливать пеной всех вокруг. Устроил настоящую пургу. Досталось всем, даже тем, кто сидел в задних рядах. Когда мистер Кросс попытался остановить Джереми, тот направил струю и на него, говоря тем самым: «Вот вам, мистер Кросс. Вот вам, мать вашу, мое отвратительное воспитание».

— А вот меня старина Джереми не облил, — добавляю я. — Знаешь почему? — Он качает головой. — Потому что я принимаю непонятное.

* * *

Не знаю, сколько улиц мы объехали, но в итоге мы его находим, ржавый черный фургон без колес. Нет, этот район совсем не убогий, просто тут и шагу не

ступишь, чтобы не наткнуться на чью-то развалюху без колес, стоящую на кирпичах на подъездной дорожке. Но у Уолтера вполне приличный дом: маленький одноэтажный коттедж с абсолютно пристойным «Фордом-эксплорером» перед дверью.

Мне приходится уговаривать его подняться на крыльцо вместе со мной, и он выглядит немного испуганным, когда я звоню в дверь. Мы ждем довольно долго, но, наконец, его мама открывает внутреннюю дверь. Выражение на ее лице такое, будто она ждет, что я сейчас буду продавать ей пылесос или агитировать за мормонизм. И она сексуальная, скажу я вам. И такая юная, что ее трудно воспринимать как МИЛФ¹.

Когда она видит сына, она распахивает наружную дверь и выдает ему старое доброе: «Почему вы не в школе, молодой человек?». Уолтер выглядит так, будто вот-вот разревется, поэтому я выступаю вперед и говорю:

— Прощу прощения, мэм, но Уолтер очень расстроен. Я нашел его возле продуктового магазина, и он сказал, что хочет отправиться во Флориду.

И тут я замечаю, что она изучает мою бутылку «7Up».

— Минуточку, — говорит она, внимательно меня рассматривая. — Ты, что, пил?

Я смотрю на свой «7Up», как на соучастника, выдавшего меня.

— Э-э, нет. Не пил.

— Да, пил. — Она отпускает внешнюю дверь, которая захлопывается позади нее, и принимает боевую стойку. — От тебя несет. Ты пил и при этом возил на машине моего мальчика.

---

¹ Mother I'd like to f**k — Мама, которую хочется трахнуть. — *Прим. пер.*

— Вообще-то не об этом речь, — я пячусь. — Давайте сосредоточимся на Уолтере.

— Кто дал тебе право приходить сюда пьяным и указывать, что мне делать с моим сыном? Уолтер, иди в дом. — Пацан с жалким видом смотрит на меня. — Быстро, Уолтер!

Я говорю:

— Эй, не надо на него кричать.

А она мне:

— Я сейчас полицию вызову.

Мне очень хочется как-нибудь отбить подачу, сязвить, что будь она действительно такая правильная, ее сыну не пришлось бы сбегать во Флориду. Но я не поддаюсь искушению. У меня не было проблем с полицией с тех пор, как я поджег дерево, и не позволю грубой, сексуальной двадцатипятилетней мамаше меня в них втянуть.

Вместо этого я говорю:

— А который час? — И смотрю на свое запястье, хотя на нем и нет часов. — Вы не скажете, который час? Я опаздываю в библейскую школу.

Она наблюдает за мной, пока я иду к машине, и мне ясно, что она старается запомнить номер. Не стоит сейчас слишком умничать, однако, я не могу подвести Уолтера. Это не в моем характере.

— Ваш сын страдает, — говорю я, открывая дверцу. — Он скучает по папе.

Она спускается с крыльца, ее лицо становится еще более грозным.

Я сажусь в машину, но не могу уехать просто так, опускаю стекло и говорю напоследок:

— Эй, на вашем месте я бы с дерева на заднем дворе глаз не спускал.